

УДК 821.161.1

ЧАЦКИЙ И ОНЕГИН. ЧАСТЬ I

Никишов Ю.М.

А.И. Герцен назвал братьями героев новой русской литературы Чацкого и Онегина. Как водится, между братьями можно наблюдать и сходство, и различие. В современном литературоведении подробно эта проблема не рассматривалась. Автором вносятся существенные уточнения в понимание героев, чему способствует знание творческой истории и направления мировоззренческих исканий Грибоедова и Пушкина. Мысли Чацкого поднимаются на уровень откровения.

Ключевые слова: Чацкий, Онегин, откровение, символ, разобщенный мир, исторический фон, открытые финалы.

CHATSKY AND ONEGIN. PART I

Nikishov Y.M.

Alexander Herzen called brothers the heroes of the new Russian literature Chatsky and Onegin. Usually, there are both similarities and differences between brothers. In modern literary studies this problem has not been considered in detail yet. The author makes significant clarifications in the understanding of the characters, which is facilitated by the understanding of the creative history and the direction of the ideological searches of Griboyedov and Pushkin. Chatsky's thoughts rise to the level of revelation.

Keywords: Chatsky, Onegin, revelation, symbol, disjointed world, historical background, open endings.

Размышляя над типологией героев новой русской литературы, А.И. Герцен проницательно увидел их неочевидное родство. В своей капитальной работе «О развитии революционных идей в России» он ставит в центр пушкинского Онегина и типологию героев выстраивает вокруг него: «Чацкий, герой знаменитой комедии Грибоедова, – это Онегин-резонер, старший его брат.

Герой нашего времени Лермонтова – его младший брат» (здесь и далее курсив авторов, наши выделения даются полужирным шрифтом – Ю.Н.). Братья – а различий между ними больше, чем сходства. Старший вовсе особняком. Акцентированное возрастное различие героев – это отсылка к различию исторического времени, формировавшего их [1, с. 204].

Аналогичный список Н.А. Добролюбов дополнил до пяти: Онегин, Печорин, Бельтов, Рудин, Обломов [см.: 5]. Теперь его возглавил Онегин. А Чацкий потерялся! Причиной тому были объективные обстоятельства.

Героями жизни для Герцена были декабристы. В его представлении это «фаланга героев, вскормленная, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Оно им пошло впрок! Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на верную гибель, чтоб разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия» [2, с. 171].

Перед декабристами литература оказалась в невольном долгу. Вначале их деятельность попросту протекала в рамках тайных обществ, а когда вырывалась наружу в легальных формах, то соответственно не афишировалась. После трагедии 14 декабря сама тема декабризма надолго стала категорически запретной.

Чацкий в восприятии Герцена – единственный герой, «успевший» еще в канун событий на Сенатской площади и обнаружения заговора представить в литературе таких людей. Герцену пришлось – ситуация вынудила – несколько выпрямлять линии, но он прямо называет Чацкого декабристом.

Что было на самом деле? Политическими воззрениями Грибоедов оказался близок к декабристам – своим разумением, не под чьим-то влиянием. «По духу времени и вкусу / Я ненавижу слово "раб"...» – написал поэт в автоэпиграмме [4, с. 292]. Грибоедов сблизился с Рылеевым и Бестужевым, но тогда, когда «Горе от ума» уже завершил. Комедия была с восторгом встречена и в списках размножена более всего как раз декабристами. Чацкого они приняли как своего союзника. Грибоедова хотели видеть в числе заговорщиков: готовый

министр иностранных дел в революционном правительстве! Но Грибоедов посчитал невозможным вступать в тайное общество. Значит, ситуацию надо поделить надвое: отдельно рассмотреть и позицию Грибоедова, и один из подходов к пониманию главного героя комедии.

Не добавляет ясности широко используемое категоричное определение позиции поэта в устах его друга А.А. Жандра. С.А. Фомичев в грибоедовской «Энциклопедии» цитирует его дважды, им заканчивая биографическую статью о Жандре и подробнее излагая в статье «Легенды о Г<рибоедове>» («Сто прапорщиков»). Здесь приводится мнение собирателя материалов о Грибоедове – его двоюродного племянника Д. А. Смирнова, который считал, что поэт «собственно не принадлежал к заговору <...> уже потому не принадлежал, что не верил в счастливый успех его. "Сто человек прапорщиков, – часто <?> говорил он, смеясь <?>, – хотят изменить весь государственный быт России". Но он знал о заговоре, может быть, даже сочувствовал желанию некоторых перемен...». Естественно, что Смирнов заинтересовался у Жандра: «Очень любопытно... знать настоящую, действительную степень участия Грибоедова в заговоре 14 декабря». – «Да какая степень? Полная». Это удивило Смирнова, он озвучил фразу о ста прапорщиках. Жандр подтвердил: «Разумеется, полная. Если он и говорил о 100 человеках прапорщиках, то это только в отношении к исполнению дела, а в необходимость и справедливость дела он верил вполне» [7, с. 221].

Чрезвычайно сложную многоаспектную ситуацию невозможно охарактеризовать одним словом. «Полного» единства не было во взглядах реальных участников движения и даже между позициями Северного и Южного обществ. «Легенду» о прапорщиках С.А. Фомичеву хотелось бы вовсе вычеркнуть: «В любом случае апокрифическая фраза о "ста прапорщика" не может служить сколько-нибудь серьезным аргументом в решении проблемы "Грибоедов и декабристы". Нет никаких оснований сомневаться, что по тесным дружеским связям со многими декабристами Г<рибоедов> знал о целях и деятельности тайных обществ» [7, с. 222].

Заключительное утверждение бесспорно: у Грибоедова было много общего со взглядами декабристов, особенно в оценке существовавшего в России положения. Нет возможности (да и надобности) подсчитать процент совпадения взглядов, а совпадение было! Однако вступать в тайное общество Грибоедов не стал именно по той причине, что совпадение взглядов как раз не было полным. Грибоедов не верил в успех мятежа. Ведь и Жандр фактически сказал об этом, подтвердив сомнения друга «в отношении к исполнению дела». Раздраженная фраза о прапорщиках могла быть сказана, только не могла повторяться «часто»: о тайном не болтают. Решительно надо исключить насмешливый тон. Вероятно, это украшение добавлено задним числом, когда фраза пошла гулять в форме мифа. Сказалась репутация Грибоедова-насмешника. Возможное поражение друзей рождало в Грибоедове скорбь, а ни в коем случае не смех.

Прибавим такой факт: Грибоедов всем сердцем любил Александра Одоевского (написавшего в Сибири ответ декабристов на послание к ним Пушкина). Одоевский отвечал на чувства старшего друга к нему взаимностью, однако не уведомил его о своем участии в тайном обществе, вероятно, понимая, что не получит его одобрения.

Ситуацию Чацкого Б. Голлер (надуманно истолковавший образ Софьи) характеризует точно: «Грибоедов не писал, конечно, и никакого "декабриста". Паче декабриста определенного этапа движения. (Да и мудро было задумать такой образ в Персии – в 1820 году). Автор "Горя от ума" просто, что называется, "угодил в тип". Это декабристы в большинстве оказались похожи на Чацкого. Так бывает с немногими истинными произведениями искусства. Которые, как ток высокой частоты, – пронизывает дух Времени» [3, с. 142].

Попробуем поставить неожиданный вопрос: как автор относился к своему творению? Такой вопрос не возникал за ожидаемой предсказуемостью ответа: как еще может относиться автор к прославившему его творению? С «Горем от ума» не все так просто.

Очень странное письмо Грибоедов написал задушевному другу С.Н.

Бегичеву в июне 1824 года: оно как будто склеено из двух частей, написанных в разное время и с контрастным настроением. Первая часть триумфальная: автор-исполнитель сообщает, что испытывал подлинное авторское счастье, когда выступал с чтением своей комедии: «Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет». Получается, что в резко сокращенном виде, но Грибоедов (как позже войдет в практику – в театре одного актера) все-таки испытал «ребяческое удовольствие», произнося (и слыша) свои стихи как будто со сцены.

А следом, без всякой паузы, неожиданное: «Ты, бесценный друг мой, насквозь знаешь своего Александра, подивись гвоздю, который он вбил себе в голову, мелочной задаче, вовсе не сообразной с ненасытностью души, с **пламенной страстью к новым вымыслам**, к новым познаниям, к перемене места и занятий, к людям и делам необыкновенным. И смею ли здесь думать и говорить об этом? Могу ли принадлежать к чему-нибудь высшему? Как притом, с какой стати, сказать людям, что грошовые их одобрения, ничтожная славишка в их кругу не могут меня утешить? Ах! прилична ли спесь тому, кто хлопочет из дурацких рукоплесканий!» [4, с. 383]. А ведь речь идет не о пестром составе посетителей театра: чтения происходили в дружественной среде!

Это – след разочарования в театральной публике, что и прогнозировалось в набросках предисловия к комедии: «Но как же требовать» внимания «от толпы народа, более занятого собственно личностью, нежели автором и его произведением? Притом сколько привычек и условий, нисколько не связанных с эстетической частью творения, – однако надобно с ними сообразоваться. Суетное желание рукоплескать, не всегда к стати декламатору, а не стихотворцу; удары смычка после каждых трех-четырёхсот стихов; необходимость побегать по коридорам, душу отвести в поучительных разговорах о дожде и снеге, – и все движутся, входят и выходят, и встают, и садятся. Все таковы, и я сам таков, и вот что называется публикой! Есть род познания (которым многие кичатся) – искусство угождать ей, то есть делать глупости» [4, с. 312]. Потому-то терния достаются и автору, заискивающему успеха у публики.

Противоречивые чувства вызывали и настигшие отголоски славы. Из Симферополя Грибоедов пишет Бегичеву 9 сентября 1825 года: «Наехали путешественники, которые знают меня по журналам: сочинитель Фамусова и Скалозуба, следовательно, веселый человек. Тьфу, злодейство! да мне невесело, скучно, отвратительно, несносно!.. И то неправда, иногда слишком ласкали мое самолюбие, знают наизусть мои рифмы, ожидают от меня, чего я, может быть, не в силах исполнить; таким образом, я нажил кучу новых приятелей, а время потерял и вообще утратил силу характера, которую начал приобретать на перекладных» [4, с. 395].

Репутация «веселого человека» особенно сильно бьет по самолюбию поэта. Да, он написал комедию, а название у нее трагедийное: «Горе от ума». Первоначально было еще острее: «Горе уму»; тут уж явно нельзя повернуть (а и такое можно наблюдать), что горе адресовано не носителю, а противникам ума.

Грибоедов и рад был успеху комедии, очень усердно продвигал ее и в печать, и на сцену, но стена цензуры оказалась непробиваемой (не разрешила даже подготовленный любительский спектакль). Но скоро он ясно увидел, что главный герой понимается односторонне. Со временем только усилилась тенденция воспринимать Чацкого победителем. С.А. Фомичев в своей грибоедовской «Энциклопедии» сделал обобщение категоричное и экстравагантное: «...произведение Г<рибоедова> – комедия, выносящая окончательный приговор фамусовщине, вбивающая в нее осиновый кол» [7, с. 28]. Реальный финал комедии открытый: не уточняется, что произойдет в доме Фамусова при свете нового дня, не ясна перспектива, найдет ли Чацкий отрадный сердцу уголок.

Но ситуация Чацкого обрисована с полной ясностью. Как ни странно, она не понята до сих пор.

Оттолкнемся от чрезвычайно выразительного суждения, которое принадлежит поэту и критику Вл. Ходасевичу: оно теплое, душевное, пронизательное, но и с решительным отказом видеть в комедии высшее значение: «Мы вечно будем перечитывать "Горе от ума" – этот истинный

"подвиг честного человека", гражданский подвиг, мужественный и современный. Мы всегда станем искать в комедии Грибоедова живых и правдивых свидетельств о временах минувших. Мы отдадим справедливость яркости и правдивости изображения. Но в глубокие минуты, когда мы, наедине с собой, ищем в поэзии откровений более необходимых, насущных для самой души нашей – станем ли мы, сможем ли мы читать "Горе от ума"? Без откровения, без прорицания нет поэзии» [8, с. 155].

Если перевести эту оценку на язык эмоций, получится примерно следующее: комедия Грибоедова безусловно заслуживает глубокого уважения, даже любви, но она не из числа достойных обожания, преклонения перед ней.

Но «Горе от ума» поднимается на уровень откровений!

Внимательнее присмотримся к тому, на чем обрывается (а не заканчивается) монолог Чацкого, которым завершается третье действие комедии:

Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,

В чьей, по несчастью, голове

Пять, шесть найдется мыслей здравых

И он осмелится их гласно объявлять, –

Глядь... [4, с. 97].

В строку легло предчувствие: «Душа здесь у меня каким-то горем сжата» [4, с. 95]. А ведь это – кульминация идейного движения «Горя от ума»! Чацкий обнаруживает: его не слушают, демонстративно отплясывают в свое удовольствие. И что тут значительного? С тем, что его не так понимают или вовсе не понимают, Чацкий сталкивается уже в третий раз. Но на сей раз вмешивается господин случай (в художественном произведении, само собой, подстроенный писателем). Чацкий **оглядывается** на произносимом слове «глядь», после чего обнаруживает **неожиданное** для него следствие ситуации. Простой бытовой эпизод вдруг обретает двуплановость символа. Чацкий не настолько самовлюблен, чтобы требовать внимания к каждому своему слову (на подобное претендует Фамусов, в своем самомнении не утруждая себя

контролем, достигает ли он такой цели; со стороны видно, что внимают его внушениям не все и далеко не всегда). Главный герой о себе говорит как об одном из нынешних молодых интеллектуалов. В данный момент Чацкий не преувеличивает значения своих слов – они вызваны минутным раздражением. Дело совсем не в том, **что** он говорит (а в конце он как раз прекращает говорить); дело в том, **что** он осознает. Его, как громом, оглушает сама ситуация: да будь высказаны пять-шесть мыслей не просто здравых, а сокровенных, их постигла бы та же участь непонимания! Вот почему незатейливое бытовое может произвести катастрофическое воздействие. Катастрофа тут, прежде всего, для сознания самого героя. Но и для зрителя, если он сможет понять глубину этой ситуации!

На важность в «Горе от ума» разнообразной ситуации «слышать – не понимать» многими исследователями обращалось внимание. Но вот же ее кульминация, обращенная к читателю! И полдела – констатация, куда как веселее вывести неизбежное горькое следствие.

Велик Грибоедов! Щедр Грибоедов! Мудр Грибоедов! Он перед героем нормальным, ну, чуточку повыше других, обозначил ситуацию на уровне последних откровений. А подарок – не в радость. Даже к несчастью. Ситуация напрямую отсылает к остерегающему названию.

Чацкий ложной скромностью не страдает. Он не усомнится (и в том не ошибется), что и в его голове пять-шесть здравых мыслей уж точно найдется. Только вне зависимости от их содержания окружающим они не будут интересны. **В этом суть ситуации!** Глубину потрясения от такого открытия трудно измерить. Тут молчание равноценно оглушающему грохоту.

А можно ли угадать, что открылось сознанию героя?

Только не слишком ли претенциозен такой вопрос? Вносить в понимание произведений какие-то добавления, опущенные автором? Очередной парадокс: **это** откровенное своеволие не противоречит, а соответствует воле художника: Грибоедов ждал, да не дождался его от своих современников. Впрочем, современники подсказки автора не знали. А представим себе: читатели

открывают изданную автором книгу и читают в предисловии: «В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли или чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком, – но его поняли, всё уже внятно, и ясно, и сильно. Для того с обеих сторон требуется: с одной – дар, искусство; с другой – восприимчивость, внимание» [4, с. 312].

Кульминация «Горя от ума» универсальна, всеохватна в своем размахе. Независимо от масштабности размышлений результат один: оглянешься – не факт, что твои здравые мысли разделят окружающие, которые утешаются мыслями своими.

Абстракция (включенная самим писателем!) разрушает сковывающие рамки времени, которое по таинственной очередности умеет актуализировать то одно, то другое. Добавим и мы свою лепту в мысль И. А. Гончарова, что «Горю от ума» не угрожает старение: именно потому, что комедия, в других местах отдав дань конкретике, здесь не расшифровывает содержание пяти-шести здравых мыслей (или даже одной, но решающей мысли). Стало быть, оно оставляет местечко для тех треволнений, которые **в сей** час подбросит быстротекущее время, которое не торопится разрешать старые конфликты, заботливо подновляя их, зато щедро изобретает конфликты новые. Исторически конкретное «Горе от ума» распахнуто в беспредельные исторические дали.

Есть такое понятие – **общечеловеческие** ценности. Но если разобраться, это размытая идеальная обобщенность. Нет таких ценностей. Ни одной. Каждая из предлагаемых в таком значении может быть оспорена, практикой отринута инакомыслящими. А еще натолкнемся на историческую изменимость утверждающихся ценностей.

Мы живем в разобщенном мире. Нас разделяют государственные, национальные, классовые, религиозные, психологические, гендерные, возрастные, эстетические, потребительские, временами даже настроенческие различия, уровни образования, культуры, коммуникабельности. Вместе с тем

человек – существо общественное, он не может жить один, ему невыносимо одиночество. Эта тяга порождает родственные, дружеские, националистические, патриотические устремления.

Мечтать о максимально широком единении не зазорно. Но на пути к всеобщему согласию препятствий не счесть.

Кульминация грибоедовского творения – именно финал третьего действия, шоковое потрясение героя. Раньше он говорил в пустоту, не замечая этого – а теперь внезапно обнаружил, что его (да и чьи бы то ни было!) здравые мысли собеседникам не нужны. Это же откровение на уровне последних истин. В этом направлении дальше идти некуда. Прочерпано до дна. Масштабность кульминации «Горя от ума» еще не оценена по достоинству.

У нас нет сомнения, что итоговая мысль о невозможности всеобщего согласия проходила через сознание писателя. Первоначальное заглавие – «Горе уму» – подчеркивало суровость замысла комедии. Горе человеку может причинить ум, если откроет ему какие-то страшные истины! Одна из всеобщих горьких (наглядно подтверждаемых) истин – неизбежность смерти. «Приемлем с жизнью смерть свою» (Г.Р. Державин). По-разному люди воспринимают эту истину. Известны много случаев личных духовных кризисов на этой почве. Как жить, чего добиваться, за что бороться, если потом все равно все прахом пойдет?

Самый простой выход – знать эту истину, но не торопиться на нее реагировать. «Живи, пока живется!» Можно и помнить о роковом исходе, но не паниковать. Это позволяет разумнее распорядиться тем, что отпущено.

Ситуация Чацкого страшная: осознание, что человек катастрофически одинок даже в гуще людской; это обрекает воспринимать жизнь бесплодной и потому напрасной. Это духовная смерть при продолжающейся физической жизни.

Такой проблемы не стоит перед огромным числом людей, которые озабочены устройением только собственной жизни. Впрочем, неожиданные препятствия встретятся где угодно. Кажется, близких людей проще всего найти среди родных. Только родные по крови отнюдь не автоматически становятся

родными по духу. К слову, Чацкий возвращается в дом, где он фактически, по причине сиротства, вырос, по существу к приемному отцу, и к дочери его, которую полюбил еще девочкой; это вспоминается с умилением: «Играем и шумим по стульям и столам. / А тут ваш батюшка с мадамой, за пикетом...» [4, с. 34]. Но теперь герой встречает отчуждение. Все-таки задача найти людей близких решаемая, но это дает лишь относительную надежду.

В глобальных масштабах задача решения не имеет. Попытки нарисовать розовые картинки светлого всеобщего будущего предпринимались; им присвоено определение – утопические, что значит – практически нереализуемые. Был длительный практический эксперимент устроить земной рай сначала в отдельно взятой стране; здесь не место размышлять, почему он обанкротился. Удручающий результат либо не предвидели, либо о нем спекулятивно умалчивали.

А если сквозь призму ситуации Чацкого (в канун 14 декабря!) взглянуть на трагедией завершившееся восстание? Увидим пророчество поражения!

На Кавказ из продолжительного отпуска Грибоедов возвращаться не спешил. Он три месяца путешествовал по Крыму. Были наилучшие условия для реализации новых творческих замыслов. Казалось бы, тут и ожидать прилива вдохновения: полная свобода, новизна впечатлений. Результат повергает в панику. О предельной остроте кризиса свидетельствуют письма писателя С.Н. Бегичеву:

9 сентября 1825 года. Симферополь. «Ну вот, почти три месяца я провел в Тавриде, а результат нуль. Ничего не написал. Не знаю, не слишком ли я от себя требую? умею ли писать? право, для меня все еще загадка. – Что у меня с избытком найдется что сказать – за это ручаюсь, отчего же я нем? Нем как гроб!!» [4, с. 395].

12 сентября 1825 года. Феодосия. «Прощай, милый мой. Скажи мне что-нибудь в отраду, я с некоторых пор мрачен до крайности.

Пора умереть! Не знаю, отчего это так долго тянется. Тоска неизвестная! Воля твоя, если это долго меня промучит, я никак не намерен вооружиться

терпением; пускай оно остается добродетелью тяглового скота. Представь себе, что со мною повторилась та ипохондрия, которая выгнала меня из Грузии, но теперь в такой усиленной степени, как еще никогда не бывало. <...> Ты, мой бесценный Степан, любишь меня... как только брат может любить брата, но ты меня старше, опытнее и умнее; сделай одолжение, подай совет, чем мне избавиться себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди» [4, с. 397].

7 декабря 1825 года (неделя до восстания). Станица Екатериноградская. «На убедительные твои утешения и советы надобно бы мне отвечать не словами, а делами, дражайший мой Степан. Ты совершенно прав, но этого для меня не довольно, ибо, кроме голоса здравого рассудка, есть во мне какой-то внутренний распорядитель, наклоняет меня ко мрачности, скуке, и теперь я тот же, что в Феодосии, не знаю, чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего, согласись, что это положение незавидно» [4, с. 399].

Причина этого внутреннего разлада мировоззренческая, политическая, – результат доверительного общения с видными деятелями декабристского движения. С декабристами у писателя много общего, это несомненно. Но ставку на военный заговор Грибоедов не разделял. Незавидное положение: горячо сочувствовать обреченным людям и презирать себя за отказ вступить в их ряды!

Писателю-профессионалу было бы легче: у такого широк круг интересов, можно было бы выбрать сюжет, который состояние не мешало бы разрабатывать. Но Грибоедов-художник не был профессионалом. Начиная с «Горя от ума» он обращался к творчеству только для решения мировоззренческих задач, насущных для него самого. Писать сейчас неминуемо означало бы вступать в полемику с благородными современниками, жизни не пожалевшими для обновления родной страны. Но бросить в них камень было этически ситуацией противопоказанной. На фоне жертвенности в деяниях патриотов собственная благополучная жизнь теряла смысл.

Наверное, в это время и «Горе от ума» утратило свое значение в сознании автора из-за того, что было понято субъективно. Декабристы приняли Чацкого

как своего единомышленника и, готовые принести себя в жертву, увидели в нем нестигаемого борца и победителя! У комедии открытый финал, и такое прочтение (как один из вариантов) не исключается. Несомненно то, что герой попадает в зону духовного кризиса, выход из которого не легок и не скор. Сначала необходимо залечить оскорбленное чувство. А что будет далее – вопрос остается открытым. Не будем сетовать, что герой не успел осмыслить то, что пережил. Он передал эстафету читателям: думайте, принимайте решения... Вам жить! Автор занавес опустил, и не наше дело пытаться что-то рассмотреть за непроницаемой преградой. Задача писателя была не показ героя в новой ситуации, а показ избранной ситуации, обнаружение которой повергает героя в психологический шок. Выбор героя отсрочен, реальный показ такового мельчил бы тему, разнообразное подменял индивидуальным. Пусть бы на примере героя писатель показал оптимальное решение! Что делать зрителям-читателям? Стройными рядами – вслед за героем? А ведь в том и суть проблемы, что решать ее выпадает каждому индивидуально, в меру своих способностей и воззрений. Глобальность проблемы – как жить человеку в разобщенном мире – не осмыслена до сих пор.

С вершины финала комедии спустимся на самый низ: к замыслу творения. За плечами Грибоедова был начальный водевильный опыт, участие в кружке плодовитого драматурга А.А. Шаховского. Служба в Коллегии иностранных дел забросила начинающего художника в далекую Персию, даже не в столицу, а в провинциальный Тавриз.

Рискну предположить, что начальным импульсом к написанию «Горя от ума» послужило катастрофически острое переживание одиночества человеком, затерянным в далекой чужой стране. Но тут нет конфликта – просто горе, которое надобно перетерпеть. Ситуация Чацкого страшнее. Если проникнуть за внешнюю суету внутрь, в суть, не обнаружится ли то же самое одиночество мудреца в гуще **столичной** театральной жизни? В «Горе от ума» прямая раскладка такого рода: «... в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека» (П.А. Катенину [4, с. 390]). Ситуация неминуемо

трагическая. Проблема оказывалась одинаково острой и в личном, и в общественном плане.

В предполагавшемся предисловии к комедии засвидетельствовано: «Первое начертание этой **сценической поэмы**, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишет для сцены...» [4, с. 312].

Признание Грибоедова в ходу у исследователей, но обычно высказывается лишь сожаление, что нам не суждено узреть грандиозного замысла. Как ни странно, вполне очевидное предположение – перед взором поэта был «Фауст» Гёте (первый том) – оказалось практически невостребованным. Такое воззрение было высказано И.Н. Медведевой, причем не в ее монографии, а лишь во вступительной статье к подготовленному ею сборнику произведений Грибоедова в стихах, но никем не было поддержано и развито.

К серьезной логической ошибке исследователей подталкивает выражение «первое начертание», как будто уже воплощенное. Но сказано было только о замысле нового творения, а конкретнее – только о **форме** его, о превосходстве великолепия сценической поэмы перед «суетным нарядом» комедии.

Форма влияет на восприятие содержания («Встречают по одежке...»). Но поэт ни словом, ни намеком не говорит о снижении **содержания** своего начального замысла. Прямые потери содержательного плана тут исключены. Косвенные, в связи с изменением формы, возможны; тут поэту просто поверим на слово. Но сравнивать нужно не то, что задумывалось, и то, что получилось. Мы этого не сможем сделать, поскольку не знаем, как выглядело первоначально задуманное (это знал только автор). Но можно и нужно сравнивать то, что получилось, и то, что в ту пору было вокруг: тогда и увидим рождение шедевра русской литературы, а в Грибоедове – талант драматурга и поэта. «Горе от ума» и в «суетном наряде» грандиозно.

Откровение Чацкого полемично по отношению к откровениям Фауста.

Оно пророчит крах затеи героя Гёте, ибо пронизательность героя Грибоедова достигает большей глубины. Формула прекрасного (нетленного) мгновения удостоверяется субъективно и не может оставаться прочным в разобщенном мире: она либо обрезается чрезмерно, теряя всякое общественное значение, либо гибнет в условиях соперничества.

Есть возможность установить дату, когда замысел Грибоедова получил четкую форму: о нем заявлено в письме к женщине, для нас неизвестной, 17 ноября 1820 года, с обещанием в течение года выполнить его: «живо помню мое обещание; *во сне дано, наяву исполнится*» [4, с. 376]. В краткий срок не уложился, намерение исполнил.

Н.К. Пиксанов утверждает категорично: «Анализом текстов устанавливается важный факт: идейный состав Г<оря> о<т> у<ма> остался неподвижен на всем протяжении творческого пути» [6, с. 326]. Это особенно связано с изображением главного героя: «В образе Чацкого нет дисгармонии, нет спаек разнородных элементов, он вылился *aus einem Guss*» <из единого куска (нем.)> [6, с. 321].

Возможно ли такое при очень резких изменениях образа жизни у автора? Подтвердим возможность утвердительного ответа. Тут обратимся к лирическому монологу Чацкого на лестнице фамусовского дома:

*Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
<...>
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час, и два, день целый, вот резво
Домчались к отдыху; ночлег: куда ни взглянешь,
Все та же гладь и степь, и пусто, и мертво;*

Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь [4, с. 98-99].

Очень показательно: на протяжении того же самого дня непосредственные впечатления, когда глаз в однообразном все-таки выделял нечто примечательное («светло, синё, разнообразно»), размышлением вызывают досаду («и пусто, и мертво»). Подобное усиливается, когда проходит время, а обстоятельства меняются кардинально (когда-то увлекала людная театральная суэта – обернулась злополучным одиночеством). Поэту встретились в читателях комедии достойные товарищи, но не заглушили они (а нечаянно усилили) боль души, которой он наделил и героя; они и не включены в изображение. Оправдались тяжкие предчувствия.

Зрелым увидел Грибоедов Чацкого в далекой чужой Персии. Такого мы и видим на сцене. Что будет с героем, когда он хлопнул дверью в доме, где вырос, – не поясняется...

Список литературы:

1. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР. Т. 7. 1956. 467 с.
2. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР. Т. 16. 1959. 529 с.
3. Голлер Б. Драма одной комедии // Вопросы литературы. 1988. № 1. С. 109-145.
4. Грибоедов А.С. Сочинения. М.: Худож. лит., 1988. 750,[1] с.
5. Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Гослитиздат, 1952. Т. 2. 742 с.
6. Пиксанов Н.К. Творческая история «Горя от ума». М.: Наука, 1971. 400 с.
7. Фомичев С. Грибоедов: энциклопедия. СПб.: Нестор-История, 2007. 393, [1] с.
8. Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник: Избранное. М.: Сов. писатель, 1991. 683, [1] с.

Сведения об авторе:

Никишов Юрий Михайлович – доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь (Тверь, Россия).

Data about the author:

Nikishov Yuri Mikhailovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Independent Researcher (Tver, Russia).

E-mail: yunik1932@mail.ru.